

ВАРДАРСКАЯ МАКЕДОНИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ СЕРБИИ В 1913-1915 ГГ.

В силу ряда геополитических и социально-экономических причин этническая и политическая консолидация македонцев происходила более медленными темпами, чем у других народов Балканского полуострова. Македонский вопрос, возникший после Берлинского конгресса 1878 г., не был решен во время Балканских войн 1912 – 1913 гг., но, как многим на Балканах тогда представлялось, мог получить удовлетворительное разрешение только военным путем.

Новейшая история македонских земель является одной из самых сложных и дискуссионных проблем в европейской истории XIX – XX вв. Она вызывает большой интерес и множество противоречий не только среди балканских историков и политиков, но и во всем мире. В Европе, и особенно на Балканах, существует довольно много трудов по истории Македонии, однако большую часть из них сложно назвать объективными, поскольку они обременены политическими тенденциями и служат идеологическим оружием в борьбе за достижение узконационалистических целей. Тем не менее, и они являются ценным фактологическим материалом¹. Основными и наиболее важными источниками для объективного освещения данной проблемы остаются, все же, опубликованные архивные материалы².

Судьба Македонии в разное время рассматривалась с различных точек зрения. В начале XX в. в Болгарии и Сербии широкое распространение получило мнение, что если Македония, в случае своего превращения в автономную провинцию, захочет присоединиться к Сербии, то последняя не может согласиться на это, пока не совершится присоединение к Болгарии Адрианопольского и Константинопольского вилайетов (за исключением Константинополя и Пропонид). В случае же, если Македония изъявит желание присоединиться к Болгарскому княжеству, то оно не должно давать своего согласия до присоединения к Сербскому королевству Старой Сербии и Боснии. В том случае, если Македония захочет остаться автономной, она должна будет вступить в союзные отношения как с Сербией, так и с Болгарией. Отказ от союза повлечет раздел Македонии³.

Подобного мнения придерживался и видный деятель петроградской македонской колонии, Крсте П. Мисирков. В письмах, адресованных

им российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову летом 1914 г., он отстаивает идею ревизии Бухарестского мирного договора и создания автономной Македонии. К. П. Мисирков утверждал, что только автономия «избавит сербов от ненужного, бесполезного и опасного труда переделывать в Македонии славян в славян, т. е. македонских болгар в сербов и раз и навсегда направит внимание сербов на единственно целесообразную с сербской и славянской точки зрения сторону, а именно в сторону Боснии и Герцеговины и других сербо-хорватских земель, находящихся теперь под властью Австро-Венгрии. Автономия Македонии избавит Болгарию от нынешнего изолированного положения и создаст не ее западной границе – наряду со славянской Сербией, которая отказавшись от Македонии, снова стала бы дружественной Болгарии соседкой – новую родственную и безусловно дружественную Болгарии славянскую соседку – Македонию»⁴.

Разногласия между Сербией и Болгарией крылись в том, что результаты Балканских войн не отвечали предварительным условиям, по которым заключался союзный договор между ними. Болгария приобретала лишь Пиринскую Македонию, а именно три округа – Горна Джумая, Петрич и Струмица и часть Западной Фракии с ограниченным доступом к Эгейскому морю⁵, а Сербия, несмотря на свои приобретения в Македонии (52% территории), чувствовала себя ущербно, поскольку под давлением Вены ей пришлось отказаться от выхода к Адриатическому морю. Это положение, естественно, вызывало в Белграде решимость отстоять македонские земли – так называемую «спорную зону», включавшую в себя города Скопье, Куманово, Дебр, Тетово, и значительную часть «бесспорной зоны» – около 2/3 македонских земель с городами Велес, Штип, Битоля, Прилеп и Охрид, не останавливаясь при этом перед формальным нарушением условий договора 1912 г., по которым эти территории должны были отойти к Болгарии.

Такая позиция Белграда находила поддержку у российского правительства. В Петрограде не совсем доверяли царю Фердинанду и считали недопустимым территориальное расширение Болгарии. Этим объясняется политика российского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига, направленная на защиту сербских интересов в македонском вопросе и его стремление создать Болгарскому царству противовес в лице Сербии, которая должна была стать стражем России

на Балканах. Однако Г. Н. Трубецкой, сменивший Гартвига в 1914 г., вынужден был действовать уже иначе.

С самого начала Первой мировой войны между враждующими коалициями великих держав развернулась дипломатическая война за привлечение на свою сторону потенциальных союзников. На них посыпались с обеих сторон обещания территориальных приращений и компенсаций. С особой настойчивостью как Антанта, так и Центральный блок "обхаживали" болгарских правителей⁶. В России считали, что в новых условиях единственным средством, способным привлечь Болгарию в качестве союзницы, была бы передача ей Македонии в границах договора 1912 г. Однако все попытки зондажа Н. Г. Трубецкого по этому вопросу наталкивались на резкое сопротивление сербского премьер-министра Н. Пашича. Довольно расплывчатые уверения российского посланника в том, что Россия будет содействовать Сербии в вопросе национального объединения с австрийскими сербами, также не имели успеха⁷. 5 августа 1914 г. министр иностранных дел России С. Д. Сазонов посоветовал Н. Пашичу пожертвовать территориями в сербской Македонии (восточной ее частью до реки Вардар) в пользу Болгарии, для обеспечения хотя бы благожелательного нейтралитета последней в начавшейся войне. По словам поверенного в делах России в Сербии В. Н. Штрандтмана, Н. Пашич соглашался на некоторую коррекцию сербско-болгарской границы, полагая возможным провести ее «по ближайшему к Вардару с восточной стороны водоразделу...»⁸. Мало того, из разговоров с ним российский дипломат вынес впечатление, что «в случае получения Сербией Боснии и выхода к Адриатике она в своих уступках Болгарии пойдет дальше»⁹.

Дипломатическое давление союзников и требования территориальных уступок Болгарии заставили сербских политиков всерьез задуматься и о собственных претензиях. 29 августа заместитель Пашича по министерству иностранных дел И. Йованович отметил необходимость разработки целостной югославянской программы "в связи с вопросом о компенсации Болгарии"¹⁰.

Когда же 30 августа в адрес сербского правительства последовал уже совместный англо-русско-французский демарш аналогичного содержания (уступки Болгарии в Македонии с обещаниями компенсаций в другом месте), Пашич в ответ заявил, что "Сербия была бы расположена уступить часть своей территории после победоносной

войны держав Тройственного Соглаasia, когда они диктовали бы условия мира и дали бы возможность Сербии получить сербо-хорватские территории вместе с прилегающим побережьем"¹¹.

Поначалу сербское правительство было готово "обменять" часть Македонии на территориальные приращения на севере – в Боснии и Хорватии, но с гарантированным выходом на Адриатическое побережье. Для Сербии, не имевшей свободного выхода к морю, долина реки Вардар, представляла собой стратегический единственный выход к эгейскому порту Салоники. В условиях активизации дипломатии стран Антанты с целью привлечь нейтральную Болгарию к участию в войне на своей стороне и обещаний ей обширных компенсаций в Македонии, что сопровождалось усилением давления на Сербию, – в Нише, куда в 1914 г. переехало сербское правительство, выдвигали свои контртребования – обеспечить протяженный и гарантированный выход к Адриатическому морю. Разница между болгарскими и сербскими претензиями заключалась в том, что для удовлетворения Болгарии требовалось "лишь" согласие Сербии, а для сатисфакции последней – окончательная победа держав Антанты в войне, ибо Сербия претендовала уже на австро-венгерские территории – Боснию, Хорватию, Далмацию. Поэтому, хоть союзники и настаивали на немедленном согласии Ниша на передачу македонских территорий Софии, сербы соглашались на этот геополитический обмен только после победоносной войны.

Тем временем, представители Антанты вели активные переговоры с другим кандидатом в союзники – Италией, правительство которой в качестве "цены" за возможное военное содействие Лондону, Парижу и Петрограду потребовало присоединения к ней не только итальянских провинций Австро-Венгрии (Южного Тироля и Трентино), но и обширных, населенных в основном южными славянами, территорий на восточном побережье Адриатики – области Триест, Истрии, Хорватского приморья, Далмации с островами. Кроме того, итальянские политики уже в сентябре 1914 г., выдвинули идею автономии или независимости Хорватии, что создало бы, по их мнению, идеальные условия для единоличного господства Рима в этом регионе¹².

Ноябрь 1914 г. был отмечен для Сербии резким ухудшением ситуации как на военном, так и на дипломатическом фронтах. Австро-Венгерская армия перешла в наступление; сербы оставили Валево, Обреновац, Белград. Параллельно союзная дипломатия усиливала

давление на Пашича, склоняя его пойти на территориальные уступки Софии и заручиться ее помощью. Но сербское правительство упорствовало. Тем временем активизировалась союзная помощь – боеприпасы через Грецию и Вардарскую долину стали поступать в Сербию. Успешное контрнаступление сербов, начавшееся 3 декабря, завершилось 15 декабря освобождением Белграда.

В разгар самых жестоких боев, 7 декабря, Народная скупщина Сербии принимает декларацию, в которой впервые на официальном уровне было сформулировано требование "освобождения и объединения всех наших неосвобожденных братьев сербов, хорватов и словенцев". Одно это обстоятельство уже свидетельствует о том, что характер принятого решения не мог не зависеть от военно-политической конъюнктуры. Декларация о военных целях Сербии приобрела общегославянскую окраску лишь после того, как Пашича убедили в том, что "это поможет Сербии в войне, так как вызовет выступление югославянских и иных славянских народов Австро-Венгрии"; югославянская программа сербского правительства, содержащаяся в Нишской декларации, - это "прежде всего мина для разрушения Австро-Венгерской монархии, заложенная в то время, когда никто в мире еще и не помышлял о возможности ее распада"¹³.

Нишская декларация, несмотря на все явные и скрытые мотивы ее принятия, стала "краеугольным камнем" официальной объединительной политики Сербии в военное время. Однако, эта политика являлась, с одной стороны, средством "защиты" сербского правительства от давления союзников в условиях их "торга" с Болгарией (чем больших уступок требовала Антанта в пользу болгар в Македонии, тем дальше на северо-запад ширились контрпретензии сербов); с другой стороны, такая политика являлась геополитическим "противовесом" Сербии панадриатическим устремлениям Италии, закрывающим ей выход на побережье; и, наконец, ее военно-пропагандистским инструментом в условиях открытого противоборства с Дунайской монархией.

Программа югославянского объединения, носила, по крайней мере в первые полтора года войны, больше геополитический, чем идеологический характер. Она была тесно связана с "македонским вопросом". До тех пор, пока у сербского руководства теплилась надежда на то, что при определении дельнейшей судьбы югославянских территорий Австро-Венгрии (и прежде всего

побережья) союзники учтут интересы Сербии, оно было готово пойти навстречу настойчивым просьбам из Лондона, Парижа и Петрограда.

Судя по всему, в ожидании близкого мира Сербия по-прежнему была готова уступить требованиям союзников в смысле удовлетворения болгарских притязаний в Македонии в обмен на гарантию будущего решения проблемы югославянских территорий Австро-Венгрии. Британский историк, поборник "югославянского дела" Джордж Тревельян, писал 15 января 1915 г. о своем кратком пребывании в Нише и контактах с сербским руководством следующее: "Вообще, мы можем сказать на основании многочисленных переговоров с сербами, начиная от наследника престола до менее высокопоставленных лиц, что чем больше заходит речь об экспансии в сторону Адриатического побережья и образования Югославии, тем более готовы сербы уступить Македонию – и последнее лишь по дружественному настоянию великих держав, являющихся ее союзниками"¹⁴.

О том же, что подобная комбинация с "обменом" территорий, а значит и вся югославянская программа сербского правительства к началу 1915 г. носила сугубо геополитический характер, свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что вопрос о характере возможных взаимоотношений сербов, хорватов и словенцев в рамках такой Югославии им тогда еще вообще не рассматривался. "Вопрос о том, – доносил 26 января в МИД российский посланник в Сербии князь Т. Н. Трубецкой, – в каком отношении станет Сербия к землям, которые ей удастся приобрести, представляется еще весьма неясным для самих сербов"¹⁵.

Ситуация в Европе, между тем, менялась, и Сербию отнюдь не ожидал скорый мир. Окончательное соглашения союзников с Италией об условиях и сроках вступления последней в войну на стороне Антанты было закреплено в Лондонском четырехстороннем договоре, подписанном 26 апреля 1915 г. Договор предусматривал присоединение к Италии, кроме итальянских провинций Австро-Венгрии, также Истрии и Далмации. Сербии гарантировался только выход к морю (узкий и крайне неудобный) и обещалась Босния и Герцеговина. Хорватии предполагалось объявить независимой как от Австро-Венгрии, так и от Сербии.

В Нише слухи о территориальных претензиях Италии, выдвинутых на переговорах с Антантой, вызвали негативную реакцию. Сербское правительство возложило все надежды на Россию. Но надеяться на

решительное противодействие Петрограда союзникам в адриатическом вопросе было бы достаточно наивным. Союзники продолжали оказывать на Сербию давление, вынуждая ее пойти на уступки Болгарии в Македонии¹⁶. И это давление постоянно усиливалось, поскольку страны Антанты желали во что бы то ни стало втянуть Софию в войну на своей стороне.

Сербия оказалась, таким образом, между двух огней. С одной стороны, союзники требовали от нее немедленной передачи Македонии болгарам, причем с Вардарской долиной – единственной удобной артерией, связывающей страну с морем. А с другой, соглашаясь на большинство требований Италии. В отношении же Ниша они ограничивались туманными обещаниями «обширных территорий и выхода на Адриатическое море». В такой ситуации позиция сербского правительства не могла не измениться. Премьер-министр Н. Пашич заявил, что «многие в Сербии предпочтут сохранить старое, чем приобрести новое»¹⁷.

3 августа 1915 г. последовал очередной совместный демарш теперь уже четырех стран Антанты с требованием уступить Македонию. Пашич наотрез отказался приступить к обработке общественного мнения в нужном для союзников духе, полагая их требование "неприемлемым". Неоднократные и довольно длительные переговоры получили надежду на благополучное завершение лишь после подключения к ним держав-союзниц, предложивших Сербии взамен Македонии план территориальных приращений. 16 августа Антанта заявила о намерениях обеспечить Сербии часть побережья Адриатического моря, присоединить Боснию и Герцеговину, Срем до линии Дравы и Дуная с Земуном и Бачкой. Не имея особого доверия ни к Болгарскому царству, ни к Антанте, сербское правительство под нарастающим давлением – королю Петру были направлены личные обращения российского императора, английского и итальянского королей, президента Франции – должно было, все же, уступить. Однако, давая свое согласие на передачу Болгарии македонских земель в границах 1912 г., сербское правительство выдвинуло ряд дополнительных условий.

Сербия соглашалась с уступкой Македонии при условии «формального обещания союзных держав в том, что Хорватия с городом Риекой (Фиуме) будут объединены с Сербией; словенские земли будут освобождены и получают право на свободное самоопределение; и к Сербии будет присоединена западная часть

Баната, совершенно необходимая для обороны столицы и Моравы»¹⁸. Кроме того, сербское правительство требовало, чтобы г. Прилеп был оставлен Сербии, г. Скопье и Овче поле ограждены были стратегической линией, а общая граница с Грецией начиналась бы с высоты Пелистера и Суха-планины, продолжаясь к западу до пункта, который будет определен впоследствии. Уступка Македонии предполагалась «как только Сербия вступит во владение обещанными ей территориями, а равно теми, которые упомянуты выше», а также после того, как будут улажены все вопросы относительно прав и интересов сербского населения, проживающего в Македонии¹⁹.

Подобные требования Сербии не могли удовлетворить союзников, и означали осложнение процесса переговоров. Тем не менее, Антанта 1 сентября 1915 г. заявила Софии о гарантированной передаче ей Македонии в границах 1912 г. Однако, все эти планы потерпели поражение. Длительные заигрывания союзников с Болгарией и весьма циничная "торговля" с ней сербской частью Македонии привели к результатам, прямо противоположным ожиданиям союзников. 5 октября 1915 г. массивной артиллерийской подготовкой началось наступление Болгарии в составе держав Четверного союза на Сербию²⁰.

Причины случившегося следует искать, как считают одни, в просчетах союзной дипломатии. Болгары с лета 1915 г. проводили неприкрытые военные приготовления, в конечной цели которых не приходилось сомневаться. Категорически запретив Н. Пашичу какие-либо превентивные действия против Софии, С. Д. Сазонов был искренне удивлен, когда «Болгария не испугалась угрозы войны с Россией и сама напала на Сербию»²¹. «Вся последующая трагическая и драматическая эпопея сербской армии, прошедшей с огромными потерями через Албанию, все ужасы голода и истощения, занятие Сербии неприятельскими войсками – все это, несомненно, последствия несчастного решения Сазонова воспрепятствовать нападению Сербии на Болгарию»²². По мнению Г. Н. Трубецкого, выступление Болгарии на стороне Центральных держав произошло не вследствие дипломатических ошибок, но по гораздо более глубоким причинам: «...Болгары понимали, что если Россия закрепится в Константинополе, то конец их гегемонии на Балканах. Они уже не в состоянии будут посягать на своих соседей»²³.

Еще одной причиной провала попыток союзной дипломатии привлечь на свою сторону Болгарию была бескомпромиссность

Италии в стремлении добиться максимального удовлетворения своих геополитических претензий. Это породило ответную реакцию сербского правительства – столь же бескомпромиссную в отстаивании Вардарской Македонии.

Бывший российский посланник в Софии А. А. Савинский уже в 1916 г. высказывал мнение предложить Болгарии Македонию по линии 1912 г. или до Вардара, а также обещать часть Фракии в обмен на выступление на стороне Антанты²⁴.

Позднее, в 1917 г., российский посланник в Стокгольме А. Неклюдов, в своих размышлениях пошел еще дальше. По его мнению, переход Болгарии на сторону России заставил бы Турцию капитулировать. И плата за такой переход должна была включать в себя не только закрепление за Болгарией Македонии в границах 1912 г., но и передачу Пирота и части Добруджи, а также Кавалы, Солуны и Адрианополя²⁵.

Понятны и логичны мотивы резкого поворота Сербии от готовности территориального обмена к отмене всех предыдущих обещаний и сохранению статус-кво. При подписании Лондонского договора с Италией Антанта пошла навстречу последней и уступила почти все восточно-адриатическое побережье, поэтому соглашение сербов о передаче Македонии означало бы для них изоляцию и закрытие пути в Салоники. При этом, любое болгаро-итальянское соглашение могло бы лишить Сербию свободного выхода к морю. Македония долгое время была разменной монетой в дипломатических торгах великих держав, каждая из которых преследовала собственные цели на Балканах, зачастую накладывавшиеся на непростые взаимоотношения среди самих балканских государств, активно добивавшихся своих территориальных целей в Македонии и утверждению себя в роли балканского лидера.

Примечания

¹ *Църнушанов К.* Македонизмът и съпротивата на Македония срещу него. – С., 1992; *Даскалов Г.* Българите в Егейска Македония. Мит или реалност. Историко-демографско изследване (1900 - 1990). – С., 1996; *Шумков С., Чакалов Г.* Македонският въпрос и неговото правилно разрешаване. – С.: Орбел, 2005; *Марков Г.* Българите в балканския съюз срещу Османската империя 1912 - 1913. – С., 1989; *Macdermott M.* Freedom or death. The life of Gotse Delchev. – London, 1978 и др.

- ² *Маджаров М. И.* Дипломатическата подготовка на нашите войни. Спомени, частни писма, шифровани телеграми и поверителни доклади. – С., 1932; *Македония*. Сборник от документи и материали. – С., 1978; *Македонски глас*. Орган на привржаниците на независна Македонија 1913 - 1914. – Скопје, 1968.
- ³ *Косик В. И.* Проблема Македонии и балканские государства в кон. XIX – нач. XX вв. // *Македонско-русские врски во XIX – нач. на XX вв.* – Скопје, 1996. – С. 86.
- ⁴ *Исаева О. Н.* Новые материалы о жизни и деятельности К. Мисиркова // *Славянский сборник*. – Саратов: СГУ, 2001. – Вып. 6. – С. 68.
- ⁵ *Катарциев И.* Македонското национално прашање меѓу двете светски војни: в 2 т. – Скопје, 1977. – Т. 1. – С. 11.
- ⁶ *Шемякин А. Л.* Между Вардаром и Ядром. Македония в геополитических планах Сербии (1914-1915 гг.) // *Македонско-русские врски во XIX – нач. на XX вв.* – Скопје, 1996. – С. 197.
- ⁷ *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия в 1914-1917 гг. Война на Балканах. – Монреаль, 1983. – С. 70-72.
- ⁸ *Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878-1917.* – М.-Л., 1935. – (Далее – МОЭИ). – Сер. III. – Т. 6. – Ч. 1. – С. 18.
- ⁹ *Там же.* – С. 19.
- ¹⁰ *Митровић А.* Србија у првом светском рату. – Београд, 1984. – С. 142.
- ¹¹ *МОЭИ.* – Сер. III. – Т. 6. – Ч. 1. – С. 198.
- ¹² *Там же.* – С. 356-357.
- ¹³ *Шемякин А. Л.* Между Вардаром и Ядром. Македония в геополитических планах Сербии (1914-1915 гг.) // *Македонско-русские врски во XIX – нач. на XX вв.* – Скопје, 1996. – С. 201.
- ¹⁴ *Ллойд-Джордж Д.* Военные мемуары. – М, 1934. – Т. 1-2. – С. 280.
- ¹⁵ *МОЭИ.* – Сер. III. – Т. 7. – Ч. 1. – С. 112.
- ¹⁶ *Нотович Ф. И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. – М.-Л., 1947. – С. 439-440.
- ¹⁷ *МОЭИ.* – Сер. III. – Т. 7. – Ч. 2. – С. 296.
- ¹⁸ *Шкундин Г. Д.* Болгарская дилемма в дипломатической стратегии Антанты (октябрь 1915 г.) // *Первая мировая война. Пролог XX века.* – М., 1998. – С. 180.
- ¹⁹ *МОЭИ.* – Сер. III. – Т. 8. – Ч. 2. – С. 191.
- ²⁰ *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия в 1914-1917 гг. Война на Балканах. – Монреаль, 1983. – С. 145-150.
- ²¹ *Михайловский Г. Н.* Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914-1920. – М., 1993. – С. 130.
- ²² *Там же.*
- ²³ *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия в 1914-1917 гг. Война на Балканах. – Монреаль, 1983. – С. 237.
- ²⁴ *Косик В. И.* Проблема Македонии и балканские государства в кон. XIX – нач. XX вв. // *Македонско-русские врски во XIX – нач. на XX вв.* – Скопје, 1996. – С. 89 – 90.

²⁵ Там же. – С. 91.

Резюме

Гурінова О. М. *Вардарська Македонія в геополітичних планах Сербії у 1913-1915 рр.*

Стратегічне положення Македонії змушувало всі балканські країни вести боротьбу за її землі протягом двох Балканських війн 1912-1913 рр. Така ситуація залишилася незмінною і з початком Першої світової війни. В нових умовах між ворогуючими коаліціями великих держав розгорнулася боротьба за потенційних союзників. Країни Антанти вважали, що єдиним засобом, здатним притягти Болгарію на свій бік в якості союзниці, має бути передача їй Македонії у кордонах 1912 р., тобто тієї частини, що за Бухарестським миром 1913 р. належала Сербії. Сербія була готова поступитися частиною Вардарської Македонії на користь Болгарії, як того вимагали союзники по Антанті, але за певних умов, а саме: коли буде вирішуватись подальша доля південнослов'янських територій Австро-Угорщини, особливо Адріатичного узбережжя, Антанта зважить на сербські інтереси. Та коли при підписанні Лондонського договору з Італією Антанта пішла назустріч останній і поступилася майже всім східно-адриатичним узбережжям, Белград, скасувавши попередні обіцянки, різко змінив орієнтацію, з якої він так і не звернув аж до нападу Болгарії у жовтні 1915 р.

Елкин А. И.

РУССКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПОЛЬШЕ В 20-30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Массовая эмиграция из бывшей Российской империи явилась результатом революционных катаклизмов и особенно кровопролитной Гражданской войны. Она насчитывала примерно 1,5-2 млн. человек. Значительное количество беженцев оказалось на территории Польши. В 20-30-е годы XX в. их цифра составляла 50-60 тыс. человек, а по некоторым данным даже 100 тыс. человек¹. Среди них значительный процент составляли лица со средним и высшим образованием². Отечественные и зарубежные исследователи уделяли достаточное внимание судьбам и деятельности российских интеллектуалов в Болгарии³, Югославии⁴ и особенно в Чехословакии⁵.

Но жизненные перипетии, стремление реализовать себя эмигрантской интеллигенцией в Польше еще не стали предметом